

*Комментарии к дискуссии:
Ледниковый период.
Некоторые современные сюжеты
в зеркале российских СМИ*

Надежда Ажгихина

«Если бы инопланетяне перед тем, как приземлиться на Земле, посмотрели наше телевидение, они бы составили весьма своеобразное представление о ее обитателях. Они бы решили, что на планете существуют два совершенно разных вида человекоподобных – один, очевидно, живет меньше, обладает повышенной температурой тела (судя по степени обнаженности), представлен ограниченным антропологическим типом, голубоглазой светловолосой костлявой женщины с большим бюстом и страдает задержкой умственного развития – она все время подобострастно спрашивает и слушает, глупо смеется и не говорит ничего серьезного. Другой тип представлен куда более многообразно – люди разного возраста и комплекции, внешности и интеллекта, они говорят без остановки, даже если несут полную чушь. Очевидно, такой популяции надо помочь». Это цитата из сводки канадской организации «Женский взгляд», представленной в 1995 году на международной конференции «Женщины и СМИ» под эгидой ЮНЕСКО в Торонто. Я очень хорошо помню эту конференцию, на которой нас, российских журналисток, было четверо – мы с Ириной Юрна, приехавшие за свой счет неведомо как, и создательницы первого в истории полноформатного женского радио «Надежда» Ирина Королева и Татьяна Зелеранская. То было время ожиданий и невероятного энтузиазма, уверенности в непременном успехе новых подходов, решений, время открытия возможностей журналистики в решении гендерных проблем в том числе. Канадский опыт вдохновил чрезвычайно, тем более что упомянутый отчет привел в стране к реальным переменам: на государственном канадском ТВ с тех пор стараются соблюдать принцип гендерного и возрастного паритета и среди ведущих, и среди приглашенных экспертов, а также принцип многокультурности: на экране все больше лиц, свидетельствующих о самых разных этнических корнях. Это стало результатом работы одной небольшой, хотя и энергичной, общественной организации. Честно говоря, нам в то вре-

мя казалось, что мы тоже сможем что-то подобное осуществить в России, и мы начали энергично воспроизводить опыт мониторинга и информирования общественности о его ходе, инициировать многочисленные публичные дебаты и широкие обсуждения гендерных (еще достаточно новых и не вполне ясных широкой аудитории) сюжетов. Удивительно приятная, творческая, новая и несомненно вдохновляющая работа! Мы счастливы, что она состоялась, что прошли десятки встреч и дискуссий, изданы сборники и буклеты, вышли в эфир (что сегодня кажется совершенно невероятным) десятки передач по национальному российскому ТВ на гендерную тему, в том числе подробные репортажи о наших инновациях и предприятиях; циклы радиопрограмм. Пять с половиной лет национальная газета под названием *Независимая* исправно служила нам трибуной и т. д. и т. п. Мы недавно с моей соратницей Ириной Юрна вспоминали и об этом, и о нетривиальной аванюре под названием «Ассоциация журналисток» (полный текст опубликован в новой книжке, которую все желающие получают) и искренне удивились содеянному. Оказывается, в тот период российского безвременья и поиска новых ориентиров существовала реальная возможность продвижения новой, в том числе гендерной, повестки дня в практику – и в практику СМИ! При участии, разумеется, широкой гендерной и просто женской общественности нашего отечества, то есть бывшего советского пространства и других территорий; не будем забывать и о благотворном (в тот период – несомненно) влиянии международных инициатив. Вспомним хотя бы благополучно почивший (по объективным и субъективным причинам) международный журнал *WE/МЫ*. Путешествия по необъятным просторам бывшей советской империи в поздние 90-е – начальные 2000-е годы не уставали поражать, когда я встречала аккуратные подборки этого, на мой взгляд, скромного издания в самых неожиданных городах, поселках, сельских и университетских библиотеках. Поражали также и сообщения об использовании материалов этого издания, и информация об исследованиях и студенческих работах, которые продолжают, оказывается, до сих пор под его влиянием. Действительно, мы плохо подчас знаем, как слово наше отзовется. И плохо, как показывает практика, умеем распорядиться даже собственным скромным ресурсом, не научившись по достоинству оценить – и заставлять уважать и членов сообщества, и людей не слишком сведущих – свой собственный вклад в развитие нашего общества. К таким выводам неизбежно приводят впечатления от последних российских событий, так или иначе связанных с гендерной проблематикой, особенно – их освещение (или замалчивание) в СМИ.

Однако вернемся к родному ТВ. Несомненно, ТВ – это «наше все», основной источник информации и раздражения, идентичности и отторжения от нее, проклятие и параноидальная привязанность, навязчивый спутник и судьба. Если бы его не было, его нельзя было бы не придумать. И, как бы то ни было, что бы ни говорили, оно – зеркало нашего коллективного бессознательного. Криво-

тое, щербатое и вообще Бог знает какое, но – неизбежное. В свое время Ирина Жеребкина в книге *Гендерные 90-е* точно определила характерную тенденцию эпохи: постепенное замещение привычных стереотипов застойной эпохи (вполне по-своему стабильной) новыми фантазмами женского. Нет смысла повторять сказанное; заметим лишь, что в новом десятилетии наметившиеся тенденции нового понимания женского усугубились. И подчас достигли драматического накала. И трагические «вечные вопросы» классической русской литературы и неотделимой от нее философии в новых условиях не то что растворились в быстротекущей действительности: они повернулись к нам подчас изнанкой и ребрами, оставив наивного современника, привычно ощущающего себя в своего рода защищенности каркасом «вечных нравственных ценностей отечественной интеллектуальной традиции», казавшимся долгое время незыблемым, по крайней мере в замешательстве. Если – не в полном отчаянии. Налицо системный кризис того типа мышления значительной части российской аудитории, который десятилетия крепил литературную и художественную традицию, совершенствовал знаменитый «эзопов язык» отечественных изданий и кинематографа, питал образование и новаторскую педагогику и само нравственное самочувствие поколений советской интеллигенции. Другими словами, обеспечивал ее внутреннее развитие и потаенный протестный импульс, подведя его в конечном итоге к перестройке.

Основой этого императива были простые и хорошо артикулированные великой классической русской литературой (и частично «расцвеченные» авторами 20 века) принципы: 1) безусловное сострадание к униженным и оскорбленным, 2) критическое, то есть ироническое, отношение к любого типа властным проявлениям, 3) обличение всех и всяческих пороков и 4) личный ответственный выбор, основанный как на идее общественного служения, так и на собственном самопожертвовании, идее «деятельного добра» и «теории малых дел». Личное благополучие приносилось в жертву общему благу и идеалам, высота помыслов ценилась выше личного благополучия и славы («быть знаменитым некрасиво!»), а образование и знание вообще становились естественной альтернативой всякого рода цензуре и деспотизму, которым противопоставлялась невнятно артикулированная, но вполне осязаемая (и почти эротичная) жажда недостижимой свободы – пусть даже ее «глотка», за которую не жаль отдать жизнь. Персональные отношения, в которых превалировали романтические (и достаточно ограниченные в гендерном отношении модели, что явственно следует из той же самой культовой литературной продукции периода «оттепели» и «застоя») противопоставлялись официальным общественным, в которых «правила бал» официальная идеология. Все то, что блистательно очертили Вайль и Генис в своих эссе, а также гениально проанализировал Андрей Синявский в труде *Советская цивилизация* (проиллюстрировав это собственным художественным творчеством под псевдонимом Абрам Терц¹). Обо всем этом также сказано уже

немало. И, не скрою, многим устоявшийся порядок вещей казался действительно незыблемым, некоей гарантией будущего прогресса. По крайней мере, в это верили многие демократически настроенные медиа-аналитики и журналисты, равно как и руководители традиционных СМИ периода ранней демократизации. Наше духовное богатство и культурное наследие казалось едва ли не главной панацеей от всех рыночных бед, и идея о пришествии «рая русской великой культуры», который просто обязан удивить мир своей мощью и бесспорным превосходством в бесцензурный период, доминировала в дискуссиях едва ли не доброе десятилетие.

Не случилось!

Телевизионный экран, как и вообще все визуальные формы выражения коллективного бессознательного, стремительно приступил к разрушению этой иллюзии. И продемонстрировал – хотим мы того или нет – слепок нового мышления и мироощущения, никак не связанного с мифологией «самой читающей страны».

Не стоит преувеличивать воздействие тупого рекламного рынка и вообще власти денег над эфирными образами. Их, то есть образы и знаки, все равно моделируют и претворяют в пучки энергии конкретные люди, наши современники, плоть от плоти той же мифологии и перенасыщенного воздуха переходного периода, что и все мы. Люди (заметим, не всегда самые бездарные), которые воплощают вольно или невольно то, что в этом воздухе разлито и переварено миллионами сограждан. В этом смысле нет более точного зеркала, как бы на него не пеняли. И более любопытного объекта для наблюдений.

Честно говоря, телевидение наше разное – как и сама Россия. Иные передачи как региональных, так и (что подчас удивительно) национальных, тотально подконтрольных каналов, просто поражают – глубиной, какой-то провидческой мудростью, философичностью; иные – вызывают буквально оторопь совершенно другого свойства. При этом бросается в глаза отсутствие каких-либо констант, стандартов как в плане качества, так и в плане меседжа: любой возможной нравственной установки. Полный плюрализм и равноположенность совершенно несопоставимых и несравнимых продуктов и выводов – явление, я надеюсь, временное, но очень тревожное, характерное для текущего момента в целом.

Наверное, не будет преувеличением назвать самой точной метафорой всего современного видеопотока один из наиболее рейтинговых проектов российского экрана – «Ледниковый период» (подтверждение тому – наличие клонов и параллельных проектов на параллельных каналах). Отличие от иноязычных шоу очевидно: «наши» активно эксплуатируют 1) ностальгическую эмоциональную приязнь к фигурному катанию как таковому и 2) универсальную страсть к звездным лицам. Раскрутка проекта просто «зашкаливает». Неудивительно, что по следам «Ледникового периода» немедленно начали создаваться новые

программы: звезды под куполом цирка, танцы со звездами («Фабрику» здесь деликатно опускаем). Подобное предлагали пианисту Денису Мацуеву и бывшему оперному певцу, ныне звезде эстрады Николаю Баскову, – оба с возмущением отказались.

Суть проекта и главный месседж просты, как апельсин: не нужно, оказывается, мучить свой организм и психику десятилетиями тренировок, терять здоровье и радость вольного молодежного досуга: достаточно лишь попасть в модную тусовку (за деньги или иначе) и кататься почти так же, как олимпийский чемпион. Вариант: крутить сальто под куполом, петь и танцевать, руководить ведомством или отраслью, если не всей страной: тут уж как кто прочитает. Месседж с радостью принят всеми заинтересованными. И оказался на редкость актуальным: он оправдывает все без исключения существующее, нивелирует профессионализм в любой сфере, образование и вообще вдумчивое отношение к предмету – во имя удачи и «современного взгляда на вещи», то есть агрессивного дилетантизма нуворишей и их приспешников, «попавших в яблочко». Любимые народом сериалы и новый фольклор лишь подтверждают этот нехитрый вывод на уровне присказки: «если ты такой умный, то почему такой бедный». Нет нужды говорить, что страна, в которой такого рода менталитет становится общим местом, не имеет будущего по определению. Интереснее проанализировать, как эта зараза распространяется во все возможные закоулки общественного бытия и сознания, захватывая, как в культовом фильме перестроечной эпохи под характерным названием «Тварь», все поры социального бытия. Смена парадигм и дискурсов, происходящая в российском обществе, поистине тотальна. Неожиданна для многих. Тем более, что поражает она не только привычно ругаемую политическую и традиционно коррумпированную экономическую сферу, но и святое святых – гражданские инициативы. То есть те довольно чахлая ростки гражданского общества, которые так и не развились за почти два десятка лет. В том числе – и наше нераспустившееся (как грустный бутон!!!) женское движение, которое неотделимо от всех иных проявлений несостоявшейся российской демократизации: как бы проповедники этой самой демократизации или апологеты женской самостоятельности этого не отрицали.

Это обстоятельство, как мне кажется, заслуживает немедленного обсуждения, честного (пусть и неприятного, но это неизбежно) разговора и рефлексии. А также – коллективного решения (если мы на это способны, конечно), как же быть дальше?

Попытаюсь проиллюстрировать сказанное на трех известных примерах, точнее, их отражении на любимом ТВ.

Мальчика не было

Всенародно известная (в то же время, надо сказать, уже благополучно забытая) драма Светланы Бахминой, глубоко беременной матери двоих детей, бывшего юриста разгромленного «ЮКОСа» возбудила общественное внимание на некоторый промежуток времени осенью 2008 года – вплоть до того, что в Интернете начали собирать подписи под прошение об изменении участи будущей роженицы. Подписантов насчитали несколько десятков тысяч, срок родов близился, радио «Эхо Москвы» и популярные издания следили за процессом – короче, молчать было дольше нельзя. Откликнулся сам Владимир Соловьев и призвал в уже ставшую одиозной программу «К барьеру» двух женщин. Точнее, две шоу-персоны – каждая вполне узнаваемая, с прилипшей к лицу уже порядком поднадоевшей маской. То есть 1) Валерию Новодворскую, давно рифмующуюся в сознании обывателя с трудноопределимым словом «демшиза», – обаятельную городскую сумасшедшую, удачно и остроумно оппонировавшую всякого рода фашистам и популистам, и 2) самоназначенную «главную патриотическую феминистку» Марию Арбатову, взлетевшую на телевизионную орбиту в середине 80-х благодаря удачному имиджу сексуально раскованной оторвы, не стесняющейся говорить в камеру о том, что обычно подруги обсуждали за чаем или бокалом вина шепотом, в передаче «Я сама». Несмотря на передачу (в свое время действительно популярную и симпатичную), как и не совсем удачные попытки подняться на политический олимп, Мария Арбатова в последние годы напоминает о себе в основном шумным посещением светских мероприятий и информацией об очередных поклонниках, а также эмоциональной «патриотической» риторикой на грани фола. В передачу она была приглашена как известная защитница женщин («кроме меня и Жириновского в России вообще никто не защищает права человека и женщин», – эти слова, сказанные в пылу полемики, трудно не процитировать).

Спору нет, могли бы найти и других. Не нашли – по той простой причине, что других узнаваемых лиц на ЦТ нет. И это не преувеличение. Не так давно на гендерную дискуссию на факультет журналистики пришел молодой продюсер от того же Соловьева и всерьез умолял собравшихся найти ему грамотных и стильных женщин для участия в передаче: «а то кроме Арбатовой и Хакамады никого нет». Ему назвали десятка два имен, и никто не прошел: лица новых кандидаток, вполне профессиональных и успешных, не знала миллионная аудитория. Уходя, молодой продюсер заклинал: «раскручивайте их, пожалуйста, а то мы пропадем!» И он искренне хотел продвинуть гендерную проблематику в телевизионные массы!!!

Его слова вспоминались во время достопамятного эфира не раз. Хотя бы потому, что этот эфир превзошел все мыслимые ожидания и самые смелые фан-

тазии антифеминистов любого толка. То ли оттого, что участницы заигрались, то ли – по несчастному стечению обстоятельств. Во всяком случае понятно, что ведущий – явно вне подозрений (под конец программы он сам не мог скрыть неловкости). Строго говоря, передача давно уже не готовит сюрпризов, предсказуема почти до скуки, но названный выпуск запомнился многим надолго, в том числе своим гнетущим послевкусием.

«Не задалось» уже с первых минут. Валерия Новодворская выдвинула довольно неожиданный тезис о том, что Бахмина должна быть освобождена не как беременная узница, но как представитель самого полезного для отечества и наиболее угнетаемого класса олигархов.

Арбатова со свойственной ей категоричной эмоциональностью заявила, что, напротив, Бахмина должна сидеть долго, так как воровка, а все ее защитники во главе с Новодворской – а) жируют на деньги Запада и б) вообще «враги». Впоследствии Арбатова эту мысль развила: Бахмина не только не заслуживает снисхождения, но и вообще не имела права забеременеть («потому что баба в сорок с лишним лет должна уметь пользоваться контрацептивами»). И вообще, такие, как она, не имеют права рожать детей!!!

Тут уж ведущий, которого, казалось бы, никогда ничем смутить невозможно, занервничал и призвал к политкорректности.

На протяжении длительного (и, кстати, дорогостоящего, прерываемого нудной рекламой) эфирного времени, как ни удивительно, не возникли сами собой напрашивающиеся и внятные душе самого замшелого российского обывателя темы, такие, например, как сострадание к узникам в принципе, тема условий содержания в местах лишения свободы, участь тысяч женщин, многие из которых оказались за решеткой по ошибке или в силу драматических обстоятельств. И даже судьбы младенцев, рожденных в неволе! Каждая из соперниц, как зомби, старалась не выйти за рамки телевизионного имиджа, как будто страшась сорвать с лица приклеенную маску, страшась – тем самым – живого человеческого слова или эмоции. На глазах у миллионов изумленных зрителей час с лишним творилось невероятное: разрушались устойчивые, незыблемые, казалось бы, закрепленные в менталитете аудитории *веками* представления о гуманистическом пафосе отечественной интеллигенции в целом, о присутствии – интеллигенткам – сострадании, внимании к чужой судьбе. А были лишь только грубая гордыня и ненависть к сопернице.

Несмотря на сокрушительное превосходство телеголосующих сторонников Арбатовой, победительниц в поединке не решился назвать никто из присутствующих в студии «секундантов» (обычно приглашаемых из числа друзей и сторонников соперников). Всеобщее замешательство было очевидным. Один молодой художник простодушно признался, что ему «хочется отмыться» после услышанного и увиденного. Другой заметил, что теперь никогда не будет верить

в то, что образованные женщины могут что-то полезное сделать для общества, «потому что еще хуже мужчин». Иными словами, ущерб от произошедшего нужно еще оценить – и, конечно, не участникам съемки.

Вопрос: могло ли быть иначе? Подозреваю, что едва ли. Ибо, как гласит древняя мудрость, каждый народ имеет то самое правительство, которого заслуживает. А телевидение правит нами не меньше, чем Совет министров или Государственная Дума. В Думе, кстати, как раз в эти дни совершалось очередное эпохальное обсуждение контролирующего ТВ-механизма (что, кстати, ведь естественно), но теперь уже с точки зрения общественной нравственности. Сколько помню наш, так называемый, независимый парламент, этот сюжет возникает с завидной регулярностью, куда чаще, чем обсуждение закона о жестокости в семье или ювенальной юстиции. И вызывает оживленную дискуссию, столкновение мнений и волну гневных публикаций! По оценкам социологов, оказывается, большинство сограждан ждут цензуры – и почти треть работников СМИ, к слову, тоже. Ждут защиты от насилия и порнографии на экране, охраны детской психики и заслона для дурновкусия. При этом даже самые «продвинутые» участники обсуждения всерьез не верят в реальность саморегуляции отрасли, в ответственность профессионального сообщества, в возможности общественного телерадиовещания.

Мы – интересная страна: нам привычнее и милее кнут – в любом его облики. Не зря же одна вполне ученая дама говорила (в кабинете бывшего министра культуры, заметим) о том, что только цивилизованные цензоры, вроде Гончарова и Тютчева, спасли российскую словесность. И что надо найти таких же, чтобы и у нас воцарился порядок.

Как бы то ни было, женская тема на ТВ, что называется, «закрывает тему». После той памятной (и незабытой, несмотря ни на какие кризисы и газовые войны, нет) передачи с участием двух известных теледив, ни один серьезный ведущий просто не рискнет поднимать теперь эту тему. Что до Бахминой, осведомленные коллеги рассказывают, что она, слава Богу, родила, сидит дома и как чумы боится любого внимания СМИ. Оно и к лучшему.

Так был ли мальчик? – так звучала первая фраза знаменитого некогда очерка великого советского журналиста Анатолия Аграновского. Как всякий уважающий себя публицист, он обращался к «золотому веку» отечественной литературы, ее неиссякаемой традиции как к точке опоры. И был прав, конечно.

Сегодня, размышляя о трансформации традиции, мы не можем быть столь категоричными.

Был ли? Мы не уверены.

Войны информационные. И иные

Обстрел Цхинвали в августе 2008 стал шоком. Хорошо помню: мы сидели с Еленой Гошило в квартире нашей московско-американской подруги и обсуждали происходящее. С мест событий передавали хорошо знакомые коллеги, я слышала их голоса и верила им стопроцентно – не те люди, чтобы врать, даже во имя защиты интересов компании. В то же самое время Би Би Си по спутниковому каналу транслировало интервью Саакашвили и равно хорошо говорящих по-английски симпатичных грузинских ньюсмейкеров, которые сообщали о том, как российская артиллерия громит мирный грузинский город Цхинвали. А из Нью-Йорка в этот самый момент наша общая американская подруга-политолог кричала по телефону, что советники республиканского кандидата в президенты совершили непоправимую ошибку, но число жертв среди мирных жителей Цхинвали преувеличено.

Через три дня Би Би Си в прайм-тайм поместило получасовую программу известного аналитика о том, как же вышло так, что грузинская пропаганда ввела в заблуждение западную общественность. Через несколько месяцев (сразу после победы Обамы) похожий материал, со ссылкой на старые европейские источники, появился в «Нью-Йорк Таймс». А российские демократические СМИ пытались тем временем проанализировать провал российской информационной войны и выяснить, почему колоссальные средства, направленные на пропаганду, потрачены впустую.

Потом были некоторые курьезы – вперемежку с трагедиями. Например, один и тот же сюжет крутили несколько раз и российские телеканалы, и Си Эн Эн. Одни говорили, это разрушенный Цхинвали, другие – захваченный русскими десантниками Поти. Оказалось, съемка сделана в Сухуми несколько лет назад. О подобном рассказывала на случившемся в те дни в Дагестане семинаре Союза журналистов России и Норвегии директор Института толерантности СМИ Милица Пешич: во время войны в бывшей Югославии сербские и хорватские СМИ также показывали одинаковые эпизоды с телами убитых, и каждый давал свой комментарий: одни – что это жертвы кровавой бойни хорватов, другие – бесчинств сербов. И никто не интересовался, кто же были эти самые убитые. Очень похоже.

Война на Кавказе – страшная трагедия. Непростительная. Постыдная для всех без исключения. Ее последствия тяжелы. Информационная война, которая охватила в те дни многие страны – также разрушительна и не оправданна: она несет драматические последствия для журналистики и журналистов. Для аудитории. Она разрушила многие привычные стереотипы, в частности о независимости СМИ во многих странах. И не вполне понятно, что теперь делать. Об этом мы говорили с коллегами на Глобальном форуме по медиа-развитию в Афинах. Как раз в эту пору в Афинах разразились беспорядки, пятьсот участ-

ников конференции оказались практически заблокированы в отеле; смельчаки, отправившиеся снимать или интервьюировать демонстрантов, получили в лучшем случае слезоточивый газ. В то же самое время СМИ – и государственные, и альтернативные – шли с большим опозданием за блогами и фотографиями мобильных телефонов, которые и оказались главными ньюсмейкерами. И организаторами дальнейших событий в других городах. Другими словами, значение независимой журналистской экспертизы, без которой невозможно освещение любого конфликта, в том числе события войны, и роль традиционных СМИ подвергались сомнению буквально у нас на глазах.

Однако вернемся к трагедии Цхинвали и последующим событиям. К их гендерной составляющей.

Увы, ни тогда, ни сейчас я не могу сказать, что женские организации или гендерное сообщество (если о таком вообще можно говорить на постсоветском пространстве) сколько-нибудь серьезно о себе заявили.

Наверное, единственное сообщество, которое более или менее регулярно обменивалось информацией по этому поводу – дискуссионная рассылка ХЦГИ. Чрезвычайно поучительное чтение – тем, что кроме текстов Ольги Липовской, ничего собственно гендерного или феминистского в обмене не прозвучало. Все остальные члены рассылки писали о другом – прежде всего о себе и своих амбициях. И чем дальше мы находимся от тех событий, тем отчетливее это проступает. А жаль – все же была иллюзия, что мы люди. Которые сами себя определили в гендерные исследователи (или последователи идеи гендерного равенства), которые обладают большей степенью внутренней свободы и личной ответственности, более отрешены от предрассудков. Примерно так, как первые коммунисты считали себя интернационалистами. Оказалось – все не так просто. Несколько лет назад о том же мне рассказывала хорватская писательница и журналистка Дубравка Угршич. О том, как вирус национализма уничтожает человеческие чувства и проявления даже там, где, казалось бы, ему вообще нет места и причины.

Мы в бывшем СССР плохо изучаем опыт соседей, а он может нам пригодиться.

Что еще примечательно в этой переписке – что она обнаружила некоторые совершенно неожиданные аспекты. В частности, не могу не сказать о скромном личном опыте. Поскольку мою заметку (опубликованную через десять дней после начала войны в национальном еженедельнике «Деловой вторник» тиражом 2 миллиона экземпляров) в рассылку определила Ольга Липовская (большая благодарность ей за это!), я получила некоторые отклики. Которые, честно говоря, изумили до крайности. Большая часть была адресована не собственно феминистскому и пацифистскому пафосу текста (который, надо сказать, не все разделили в России, обуреваемой в ту пору пароксизмом ура-патриотических эмоций), а полфразы о практике запорожских казаков (информация, кстати, была

почерпнута из статьи Сергея Жеребкина в сборнике *О муже(н)ственности* под редакцией Сергея Ушакина). Строгие критики на разных языках обвиняли меня, малограмотную москальку, в недостатке уважения к величественной повседневности украинского казачества. Жаль, что отклики получила с некоторым опозданием: велик был соблазн истинной москальки, имеющей среди предков как казаков, так и поляков, скандинавов, татар и представителей некоторых иных этнических групп, населяющих безразмерную территорию бывшей империи, выступить со сравнительным анализом зверств, практикуемых разными народами в отношении женщин и детей в средневековье. Думаю также, что сама трактовка этого этнического вопроса – наш украинский душегуб как лучший и наиболее человечный из всех душегубов – оказалась вполне постмодернистской и вполне могла бы вдохновить актуального художника вроде Олега Кулика. Не забыть бы предложить.

Ну, а если серьезно о войне – увы. Ее проиграли все, в том числе и гендерное сообщество.

Тут ни убавить, ни прибавить. Ибо нельзя же всерьез принимать за судьбоносные решения декларации каких-то российских организаций с призывами покончить с антинародным режимом Саакашвили или, наоборот, декларации каких-то грузинских групп с требованиями бойкотировать российскую армию и российское правительство. Храни нас Бог.

Апофеозом военной тематики в визуальных жанрах можно считать Интернет-клип с участием Лолиты: миротворческий по тексту саунд-трек сопровождается агрессивной эротической видеоподкладкой: то обнаженная исполнительница с затененными частями тела (некоторые критики тут же отметили, сильно скорректированного с помощью компьютерной графики), то Саакашвили, жующий галстук, то его сменяет удивительно похожий (тоже скорректированный) на грузинского лидера профиль Адольфа Гитлера, потом на смену приходит орлиный взор Дмитрия Медведева, а дальше – большое количество мужской обнаженки вокруг уже одетой в кожу исполнительницы. По недавним опросам молодежной аудитории, Лолита Милявская вкупе с Ксенией Собчак (и примкнувшим к ним Андреем Малаховым) составляют тройку самых авторитетных журналистов России.

После съезда эт сеттера

Пишу эту главку с удивительно тяжелым чувством. Меньше двух суток прошло с тех пор, как в самом центре Москвы, на Пречистенке, был застрелен блестящий молодой адвокат, директор Института верховенства закона Станислав Маркелов и смертельно ранена практикантка «Новой газеты» Анастасия Бабурова. Со Станиславом мы совсем недавно вместе выступали в Доме жур-

налиста, строили какие-то планы сотрудничества на 2009 год. Анастасия даже не успела стать журналисткой, напечатала совсем немного материалов, ей было двадцать с небольшим, ее знали мои студенты. Вчера ночью о ней показали наскоро сделанный телефильм. До утра я получаю письма от коллег из разных стран – разделяют боль и гнев, просят не отчаиваться. Это трудно.

Вчера же я получила письмо от одной из постсоветских активисток, бывшей журналистки, с просьбой поддержать ее личную инициативу. Я ответила, что едва ли смогу выполнить ее пожелание: идея показалась мне торопливой, непродуманной и избыточно амбициозной, что никак не отражается на необходимости крепить сотрудничество, расширять круг дискуссии на всевозможные темы. Написала ей вкратце о российской ситуации, о нашей трагедии. Скоро получила новое послание – сухую просьбу поделиться контактами тех, кто мог бы идею все же поддержать. Ни слова сочувствия в адрес погибшей девочки, не феминистки, скорее всего, но все же пишущей о правах человека. Ни слова о солидарности с российскими журналистами или нашей аудиторией в принципе. Главное – личный практический интерес. Наверное, в этом ничтожном эпизоде – вся суть проблемы, некий ключ к пониманию того, почему же женские движения в наших странах (как и многие другие демократические движения и импульсы) не состоялись, рассыпались – как карточный домик от легкого дуновения. Увы, очень многие, даже вполне активные в свое время персонажи гендерной дискуссии, в последние годы перестали испытывать искренний интерес к самой дискуссии, к развитию демократического дискурса как такового, предпочитая в этом дискурсе собственную роль и значимость в качестве приоритета. Собственно, в этом факте, очевидно наше коренное отличие от большинства европейских стран и их движений. Именно поэтому, мне кажется, мы имеем одно, а они – другое. Не забуду круглосуточную демонстрацию перед зданием президентского дворца в Риме, завешенного от туристов огромным портретом захваченной в заложницы в Ираке журналистки Джулианы Стрена. Подозреваю, многие из зажигающих свечи перед дворцом не вполне разделяли ее взгляды радикальной феминистки, пацифистки и коммунистки и понимали, что, как всякий военный корреспондент республики, она и ее семья в любом случае получат огромную страховку. Но люди на площади точно знали, что только солидарность поможет восстановить правду и закон, что в интересах всего общества – безопасность журналистики и права на свободное слово. И что это право нуждается в коллективной защите. Они – победили. Мы – нет. К сожалению, невозможность солидаризироваться, отсутствие понимания общего интереса и общей повестки дня для группы, профессионального сообщества, класса или всей аудитории – наша родовая примета, столь же трагическая, как и отсутствие самоуважения, требования уважительного отношения к своей жизни, личности, своим нуждам. Верю, это временно. Но очень горько понимать, что именно эти алогичные, необязательные обстоятельства так мешают жить.

Вся предыстория, ход и последствия мероприятий, посвященных столетнему юбилею Первого всероссийского женского съезда в Москве, тому живая иллюстрация. Сам факт, что довольно случайная, не слишком компетентная группа малоизвестных предпринимательниц практически узурпировала наследие Первого съезда, назначила непонятно по какой причине Второй съезд на основах православия и поддержки действующей вертикали власти, отменив походя целые исторические эпохи (с трибуны Колонного зала было объявлено, что весь советский период и 90-е должны быть вычеркнуты непосредственно) и заодно все независимое женское движение последних двадцати лет, заслуживает внимания. Главным образом вопросом о том, почему, собственно, этому никто не противостоял? Ведь довольно быстро стало понятно, что бойкие девушки преследовали простую и понятную цель: предложить власти в качестве товара для последующего финансирования некое сложившееся (в данном случае – женское) движение со столетней историей. На съезде одна моя коллега-журналистка вся извелась, ожидая скандала: не верила, что опытные феминистки, ее собственные героини последних лет, не поднимут шум, не выйдут на сцену и не прекратят более чем странное действие, начавшееся исполнением национального гимна и коллективным размахиванием шелковых платочков (не всем делегаткам, кстати, они достались, что сразу же вызвало сумятицу в зале) и раздачей националистической литературы под присмотром бритоголовых и упитанных мальчиков славянской внешности в однотипных костюмах. Не случилось. Расстроенные феминистки сидели по углам коридоров бывшего дворянского собрания, шепча возмущенные заклинания.

Большая удача, что национальное ТВ обошло вниманием это действие – не было еще одного повода поглумиться над бабьей глупостью. Несмотря на все скептическое отношение к мероприятию, не думаю, что аудитория нуждается в очередных мезагонистских сюжетах.

Личное – значит политическое, говорили западные феминистки. Конечно, они были правы. Современные исследователи знают, что для истории важны не только дипломатические интриги и военные операции, и даже не только фобии и предрассудки великих деятелей, но и настроения, практика и страхи простых людей, их повседневность. Личный выбор, приоритеты этих людей, их решения. С этой точки зрения выбор и поступки активистов женских и других общественных инициатив – полноправные составляющие участия в историческом процессе.

И никакой драмы в этом нет.

Самое главное – честно посмотреть в глаза самим себе. Назвать вещи своими именами. И – как ни странно – продолжать работать.

Если бы инопланетянин, завернув зачем-то на Землю, увидел хотя бы одним глазком российское ТВ, он обнаружил бы толщу гламурно-мутного искусствен-

ного льда, алчные пятна софитов и рекламную бутафорию, уродливых женщин и мужчин, бездарно имитирующих страсть или величие, и за всем этим – неистребимую жажду света и истинного слова, которая прорывается сквозь волны всего этого мусора и лжи, как трава сквозь асфальт. Как ростки правды прорывались сквозь частокол идеологического бреда в советских газетах, как женские группы пробивались к новому знанию и справедливости в мятежных 80-х. Как вообще все живое прорывается сквозь тлен и болотную жижу.

Наверное, очень важно об этом не забывать. И тогда все у нас получится.

1 См. об этом также Кэтрин Таймер-Непомнящую, сборник *Новая волна* и др.